

В.Г. НЕМИРОВСКИЙ, А.В. НЕМИРОВСКАЯ, К.Р. ХАМИДУЛЛИНА

СОЦИОКУЛЬТУРНЫЕ БАРЬЕРЫ МОДЕРНИЗАЦИИ ВОСТОЧНОЙ СИБИРИ

(на примере Красноярского края и Республики Хакасия)*

НЕМИРОВСКИЙ Валентин Геннадьевич – зав. отделением социологии и связей с общественностью Сибирского федерального университета, доктор социологических наук, профессор (E-mail: valnemirov@mail.ru). *НЕМИРОВСКАЯ* Анна Валентиновна – доцент того же университета, канд. социол. наук (E-mail: annanemirov@gmail.com). *ХАМИДУЛЛИНА* Кристина Ришатовна – специалист по связям с общественностью управления корпоративной политики того же университета (E-mail: hamidulka_k@mail.ru).

Аннотация. Анализ социокультурных факторов, препятствующих модернизации Красноярского края и Республики Хакасия, проведенный в контексте динамики общероссийской и мировой ситуации, показывает, что регионы находятся в “расцвете” первичной модернизации и лишь приближаются к началу вторичной. При этом социокультурные ограничения модернизационных процессов по ряду показателей выражены там более существенно, чем в России в целом.

Ключевые слова: первичная и вторичная модернизация • социокультурный подход • общество • власть • индекс

Методологические подходы и методика исследования. Начиная со второй половины прошлого столетия в мировой социологии активнейшим образом изучались процессы модернизации человеческого общества. Так, китайский учёный Хэ Чуаньци выделил 10 основных теорий модернизации, которые за этот период возникли на Западе [Обзорный доклад ..., 2011: 236–239]. Им была разработана оригинальная теория модернизации (впервые опубликованная в 1998 г.), которая позволяет эффективно анализировать как состояние, так и динамику модернизационных процессов в различных странах и отдельных регионах [He, 1998 a; 1998b].

Анализируя процессы модернизации, необходимо учитывать *человеческие изменения*, которые характеризуются не только статистическими данными об условиях жизнедеятельности населения, но и тем, как эти условия оцениваются самим населением. Процесс повышения этих параметров есть *социокультурная модернизация* [Лапин, Беляева, 2001].

Соответственно, могут быть выделены *социокультурные барьеры*, препятствующие модернизации как в стране в целом, так и в её различных регионах. Следует согласиться с авторами исследования, проведённого под руководством М.К. Горшкова, согласно которому “...тормозом для модернизации России выступает, прежде всего, сложившаяся система социальных отношений и институтов... Главным тормозом же модернизационного прорыва, снижающим его вероятность с учетом иницируемого “сверху” характера российской модернизации, выступает государственный аппарат, точнее – коррумпированность части этого аппарата” [Готово ли российское ..., 2010: 179].

* Исследование выполнено при финансовой поддержке РФГНФ, проект “Особенности формирования социальной структуры и социального капитала в Красноярском крае» № 11-03-00250а.

Н.И. Лапин на основании Всероссийского мониторинга и сопоставления с ситуацией в 130 странах мира выделяет и такие “тормоза российской модернизации”, как низкая управляемость, отсутствие институтов саморазвития региональных сообществ и российского общества в целом и двойственная иерархия ценностных позиций населения как предпосылка гражданского конфликта [Лапин, Беляева, 2011].

Авторы исследовательского проекта “Культурные факторы модернизации” выделили 5 стран, которые за последние 50 лет перешли к активной модернизации. На основании кросскультурных исследований было установлено, что там росло значение рационально-секулярных ценностей, по сравнению с традиционными сокращалась дистанция власти (т.е. отношение к власти как к чему-то чуждому), резко укреплялось значение ценности индивидуализма, росли ценности самовыражения. Население этих стран имеет высокие ориентации на будущее, причем результат для людей важнее процесса. В России же пока только два из пяти указанных выше индикаторов свидетельствуют о том, что страна идет к модернизации: это высокий уровень индивидуализма (Россия одна из самых индивидуалистичных стран) и высокий уровень ценности самореализации [Аузан, 2011].

Эмпирической базой являются исследования, проведенные по репрезентативной региональной выборке в Красноярском крае и Хакасии в 2010 г. в соответствии с типовой программой и методикой “Социокультурный портрет региона” ЦИСИ ИФ РАН [Методические требования ..., 2009].¹

Специфика модернизационных процессов в регионах Восточной Сибири.

В Красноярском крае индекс *первичной модернизации*, рассчитанный нами по методике Китайской АН, демонстрирует стабильный рост, что свидетельствует о процессе завершения данной стадии модернизации в 2000-е гг. Вместе с тем её завершению продолжают препятствовать (и, очевидно, в обозримом будущем это воздействие продолжится) низкие значения таких индикаторов, как доля добавленной стоимости в сфере услуг по отношению к ВВП (2010–41%) и ожидаемая продолжительность жизни (2010–68 лет).

В Хакасии процессы модернизации также протекали достаточно интенсивно (рис. 1). Отметим, что там индекс *первичной модернизации* остаётся более низким по сравнению с Красноярским краем, за счёт одного из экономических индикаторов, в частности, валового регионального продукта на душу населения, а также показателя ожидаемой продолжительности жизни.

Фазовые значения индекса реализации *первичной модернизации* в обоих регионах совпадают и составляют 3,5 (в Красноярском крае – начиная с 2000 г., в Хакасии – с 2005 г.). Это говорит о том, что данные регионы *в течение ряда лет находятся на одной и той же стадии зрелости* *первичной модернизации* и до сих пор не могут приблизиться к переходу ко *вторичной*. В современных условиях динамика реализации *вторичной модернизации* в двух регионах Восточной Сибири различна (рис. 2): в Красноярском крае наблюдается стабильный рост значений индекса, в то время как показатели в Хакасии свидетельствуют о некотором замедлении процессов *вторичной модернизации* за счёт заметного снижения в 2008–2010 гг. индекса инноваций в знаниях и индекса их трансляции.

В 2010 г. наблюдалась отрицательная динамика индекса *вторичной модернизации* в Хакасии. Это произошло за счёт снижения значений всех компонентов этого комплексного показателя. Снизился индекс инноваций в знаниях за счет числа ученых и

¹ Опрос населения осуществлен методом формализованного интервью по месту жительства по стратифицированной, многоступенчатой, районированной, квотной выборке, репрезентированной по полу, возрасту и уровню образования, случайной на этапе отбора респондентов (Красноярский край – n = 1000, Хакасия – n = 600). Репрезентативность выборки обеспечивается соблюдением пропорций между населением, проживающим в населенных пунктах различного типа (районы крупного города, средние и малые города и сельские населенные пункты), половозрастной и образовательной структуры взрослого населения Красноярского края и Хакасии. Статистическая ошибка выборки не превышает 3% для Красноярского края и 4% – для Хакасии).

Рис. 1. Динамика первичной модернизации регионов Восточной Сибири и России

Рис. 2. Динамика вторичной модернизации регионов Восточной Сибири и России

инженеров, полностью занятых в НИОКР и числа жителей региона, подавших патентные заявки. В индексе трансляции знаний отмечено снижение значения индикаторов, характеризующих число телевизоров и персональных компьютеров на 100 домохозяйств, что, на наш взгляд, может быть вызвано определёнными погрешностями при сборе статистических данных. Небольшая отрицательная динамика наблюдается в индексе качества жизни. Весьма значительное снижение показали составляющие индекса качества экономики: ВВП на душу населения (особенно снизился ВВП на душу населения по паритетной покупательной способности) и доли лиц, занятых в материальной сфере (сельское хозяйство и промышленность), в общей занятости.

В целом, в 2010 г. среди других регионов Сибирского Федерального округа по значению индекса вторичной модернизации Хакасия занимает предпоследнее место (значение индекса – 54), несколько опережая лишь Республику Алтай (53), а Красноярский край – занимает третье место (72) после Томской (81) и Новосибирской (79) областей. В то же время доминирование промышленного производства в Красноярском крае по сравнению с иными сферами хозяйственной деятельности ещё долгое время будет служить тормозом на пути развития процессов вторичной модернизации. По сути, край продолжает выступать ресурсодобывающим и, отчасти, перерабатывающим, “придатком” лежащих к западу от Урала регионов России.

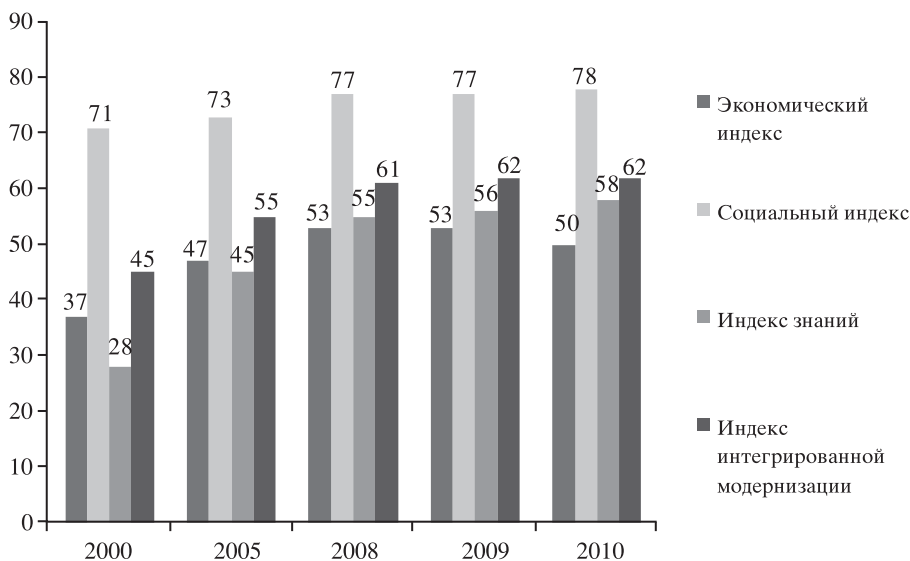

Рис. 3. Интегрированная модернизация в Красноярском крае

При этом нельзя не учитывать, что развитие вторичной модернизации в обоих регионах тормозится процессами, которые описываются статистическими индикаторами, обобщёнными в индексе инновации знаний (данные факторы наиболее существенно препятствуют модернизационным процессам в Хакасии) и в индексе качества экономики. Отметим, что первый характеризует эффективность научно-исследовательской, проектной и изобретательской деятельности, второй отражает индикаторы ВВП в регионе, а также степень развития нематериальной сферы хозяйства в регионе.

В соответствии с концепцией учёных из Центра исследований модернизации Китайской академии наук (ЦИМ КАН), Россия может быть отнесена к среднеразвитым странам (по данным 2010 г. индекс вторичной модернизации составил 72%). Как отмечалось выше, данный показатель по Красноярскому краю также составил 72%, а в Хакасии – 55%, что позволяет сопоставить их по данному параметру с уровнем среднеразвитых стран мира (находящимся в интервале 52–79 среднемирового значения показателя индекса вторичной модернизации [Обзорный доклад...: 52]). Так, в 2008 г. индекс вторичной модернизации Красноярского края составил 70%, что было сопоставимо с показателями Португалии – 72%, и Венгрии, Литвы, России в целом – 69%; Хакасия – 56%, что близко к Чили, Саудовской Аравии – 55%, Украине – 56%, Уругваю – 57% [Modernization Science Newsletter, 2011: 19].

Обратимся к анализу *интегрированной модернизации*, которая понимается как совокупное состояние двух её стадий, фиксирующее характер их взаимной координации в данной стране (регионе) и отличие от передового мирового уровня такой координации. *Индекс интегрированной модернизации* в Красноярском крае составляет 62 (см. рис. 3).

Тенденции в структуре процессов интегрированной модернизации в Хакасии в целом аналогичны тем, которые имеют место в Красноярском крае (см. рис. 4). Исключение составляет снижение индекса интегрированной модернизации 2009–2010 гг., в основе которого лежит падение значения всех составляющих его индексов, что может быть объяснено влиянием экономического кризиса на более слабую, по сравнению с Красноярским краем, экономику. Как видим, если в Красноярском крае степень завершенности модернизационных процессов в целом соответствует среднероссийским значениям, то Республика Хакасия заметно отстает в этом плане от страны в целом.

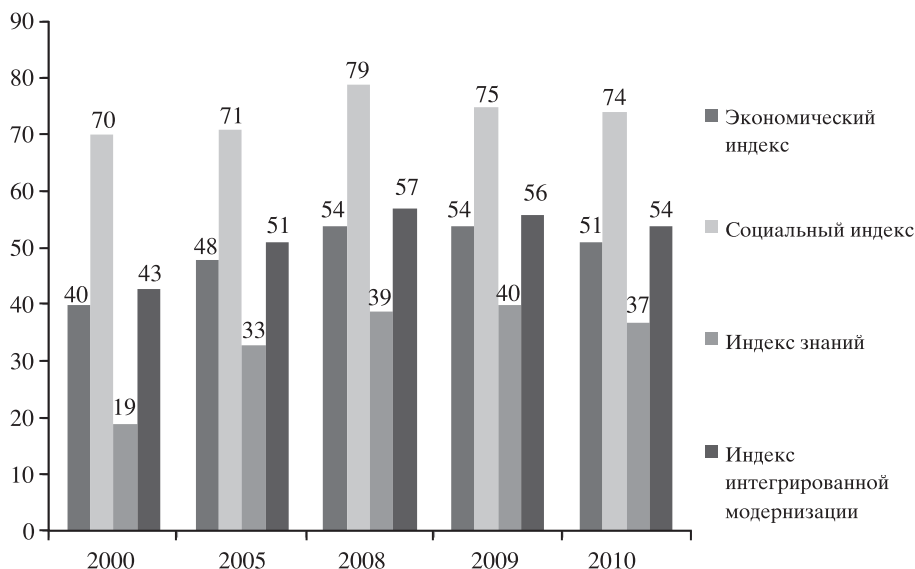

Рис. 4. Интегрированная модернизация в Республике Хакасия

В соответствии с данными ЦИМ КАН 2008 г. [Modernization Science Newsletter: 20], на карте мировой модернизации регионы Восточной Сибири (Красноярский край – 61%, Республика Хакасия – 57%) соседствуют с такими странами, как Турция, Беларусь – 56%, Мексика – 57%, Панама, Чили, Бразилия – 58%, Аргентина – 62%, Польша, Россия – 63%.

Особенности социокультурных препятствий на пути модернизации. В ходе интервью респондентам был задан вопрос: “Учитывают ли реформы, проводимые правительством РФ, интересы Сибири?” Только 4% жителей Красноярского края и Республики Хакасия ответили “в полной мере”. Большинство респондентов (48% – Красноярский край, 45% – Хакасия) ответили “учитывают частично”, а 24% жителей Красноярского края и 17% Хакасии полагают, что эти реформы интересы Сибири “не учитывают совершенно”. Ровно четверть опрошенных в крае и треть – в республике затруднились ответить на этот вопрос. Таким образом, в целом, 72% опрошенных жителей Красноярского края и 62% населения Хакасии в той или иной мере сомневаются в том, что реформы, проводимые правительством РФ, учитывают интересы Сибири.

У жителей Красноярского края и Хакасии по сравнению с данными по России в целом заметно ниже чувство защищённости от следующих опасностей и угроз (“полностью незащищён” + “пожалуй не защищён”): сибиряки ощущают себя менее защищёнными от преступности, чем россияне в целом (11% – Красноярский край, 15% – Хакасия и 19% – Россия в целом), от бедности (18, 18 и 22%, соответственно), от экологической угрозы (18, 16 и 19%), от произвола правоохранительных органов (18, 20 и 29%), наконец, от преследований за политические убеждения (43, 45 и 47%). Наиболее существенно различие в более низкой оценке населением региона своей защищённости от произвола чиновников: 10% в Красноярском крае, 14% – в Хакасии и 23% – в России в целом. Напротив, по сравнению с данными по России в целом, ответы жителей двух регионов Восточной Сибири свидетельствуют об их более высокой защищённости от одиночества и заброшенности, притеснений религиозного характера и этнических ущемлений. Таким образом, сибиряки ощущают себя менее защищёнными от общероссийских проблем институционального характера, что касается социокультурной среды в регионе, то она более благоприятна для его жителей [Социокультурные процессы..., 2011: 90]. Такие важные социальные институты, как

правоохранительные органы, любые государственные властные структуры, выступают для населения Сибири как несущие опасность чаще, чем для жителей России в целом. Свидетельством отношения респондентов к различным социальным институтам выступает степень их институционального доверия. Существенной характеристикой протекания модернизационных процессов в данных регионах выступает и межличностное доверие сибиряков. В целом уровень доверия в регионах Восточной Сибири несколько ниже, чем в России (табл.). Это касается как институционального, так и межличностного доверия.

Большинство ответов свидетельствует о том, что *институциональное недоверие, которое непосредственно свидетельствует о социальной дистанции между населением и социальными институтами, существенно выше в регионах Восточной Сибири, чем в России в целом*. Исключение составляет недоверие Президенту России, которое несколько выше в России в целом, чем в Красноярском крае и Хакасии, а также показатели недоверия Госдуме, Правительству региона и прокуратуре, которые в целом не отличаются от общероссийских данных.

Высокую степень межличностного доверия жители данных регионов, при некоторых различиях, проявляют лишь своему ближайшему социальному окружению. Высоко также институциональное недоверие, институциональное и межличностное безверие. Региональный социум представляет собой ряд своеобразных “кланов” (кластеров), включающих членов семьи, близких родственников и коллег. Подобные “кланы” а также иерархия отношений между ними и составляют основу социальной структуры регионов. Наличие такой социальной структуры может выступать явным признаком дофеодалных, квазиродовых тенденций в социальных отношениях. Принадлежность человека к подобному кластеру и является своеобразным социальным лифтом; как отмечают многие исследователи, для России характерна специфика вертикальных социальных перемещений индивидов именно в составе подобного рода кланов. Это порождает целый ряд социальных девиаций: nepотизм, коррупцию, которые препятствуют завершению процессов первичной и развитию вторичной модернизации в данных регионах. Отсутствие у респондентов доверия к большинству выделенных в анкете различных социальных институтов свидетельствует о серьезных институциональных искажениях в современном российском обществе.

Выводы. Успех модернизации возможен при учете не только того, что модернизационные процессы по-разному протекают в различных регионах, но и специфики социокультурных барьеров в каждом из этих регионов. Оба рассмотренных в статье восточносибирских региона находятся в фазе “зрелости” первичной модернизации, и лишь приближаются к началу вторичной. Требуются серьезные усилия и нетривиальные подходы федеральных и региональных властей для продолжения модернизационных процессов и преодоления существующих на их пути преград: большей, чем в России в целом, дистанции между населением и социальными институтами власти, коррупции, недостаточной эффективности регионального управления и развития инновационных процессов, архаичных элементов социальной структуры и др. При этом некоторые характеристики менталитета населения Красноярского края и Хакасии (индивидуалистический характер ценностей, ориентация на будущее, высокая толерантность и др.) [Немировский 2010, 2011; Социокультурные процессы..., 2011: 34–97] могут способствовать эффективной модернизации. Однако в практике управления развитием инноваций в данных регионах крайне слабо учитываются социокультурные ограничения модернизации и существующие преимущества для её реализации. Фактически, сохраняется ориентация на продолжение и интенсификацию первичной модернизации. В частности, на состоявшемся в феврале 2012 г. IX Красноярском экономическом форуме, было сказано: «сейчас в рамках “продолженного настоящего” судьбу Сибири многие связывают с так называемой “новой индустриализацией” или “реиндустриализацией”, т.е. восстановлением и модернизацией утраченного за последние годы промышленного и ресурсодобывающего потенциала Сибири. Однако при неизменных правилах отношений федерального центра с регионами такая поли-

Распределение ответов на вопрос “В какой мере Вы доверяете или не доверяете...?”
(2010 г., в % от числа ответивших)

Региональные органы управления, организации	Полностью доверяю			Пожалуй, доверяю в основном			Трудно сказать точно			Не очень доверяю			Совсем не доверяю		
	Красноярский край	Республика Хакасия	Российская Федерация	Красноярский край	Республика Хакасия	Российская Федерация	Красноярский край	Республика Хакасия	Российская Федерация	Красноярский край	Республика Хакасия	Российская Федерация	Красноярский край	Республика Хакасия	Российская Федерация
Суд	6	7	9	34	31	30	26	27	25	25	21	9	10	15	
Президент республики, губернатор	9	11	11	38	33	39	29	28	21	18	21	6	7	12	
Профсоюз	6	6	7	22	22	28	36	33	30	19	20	18	17	17	
Прокуратура	5	6	7	23	27	30	33	30	26	25	26	22	14	11	
Полиция	3	4	5	16	20	24	27	23	24	33	33	27	21	20	
Правительство региона	3	6	6	25	26	33	38	33	27	22	24	21	12	11	
Политические партии (их региональные отделения)	1	4	3	9	10	13	35	35	56	27	24	16	28	27	
Законодательное собрание, Дума региона	2	5	6	16	16	25	35	36	32	28	26	21	19	17	
СМИ (печать, радио, телевидение)	2	3	7	22	26	27	26	25	25	36	33	23	14	13	
Муниципальные, местные органы управления	1	4	6	20	24	29	33	35	28	28	25	21	18	12	
Президент России	17	21	17	43	38	48	19	19	17	14	14	11	7	8	
Правительство России	12	15	11	33	34	44	29	26	20	17	16	15	9	9	
Госдума России	6	8	6	23	24	26	33	34	30	22	20	22	16	14	
Армия	8	9	12	25	20	36	27	28	23	21	23	16	19	20	
Церковь и духовенство	19	15	25	29	27	39	32	29	17	8	14	10	12	15	
Бог*	41	38	–	20	20	–	27	27	–	4	4	–	8	11	
Соотечественники*	8	8	–	36	33	–	40	42	–	11	11	–	5	6	
Работодатель (администрация, руководство)*	5	8	–	33	32	–	32	30	–	18	19	–	12	11	
Коллеги*	12	11	–	50	50	–	26	22	–	10	12	–	2	5	
Соседи*	8	9	–	41	35	–	32	33	–	14	16	–	5	7	
Семья и родственники*	70	65	–	25	27	–	3	5	–	1	1	–	1	2	
Я сам*	77	76	–	17	17	–	4	4	–	1	2	–	1	1	

* Данный индикатор не использовался в опросе.

тика приводит не к развитию, а к дальнейшему “обиранию” и опустошению Сибири» [Кузнецов 2012; Что делать...].

Стратегия модернизации должна опираться на мониторинг социокультурных процессов, осуществляемый как в стране в целом, так и в её отдельных регионах на основе общей методологии и по сопоставимой методике, с учётом уже имеющегося опыта подобных исследований (см., например, Регионы в России, 2009). В противном случае, мы рискуем остаться одной из “естественных” стран, для которых согласно подходу Д. Норта, Дж. Уоллиса и Б. Вайнгаста, модернизация относится к числу не-обязательных задач.

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ

- Готово ли российское общество к модернизации? Аналитический доклад. ИС РАН. М., 2010. URL: http://isras.ru/index.php?page_id=1413 (дата обращения 20.03.2012)
- Аузан А.А. Культурные основы модернизации. // Публичные лекции, страна, хозяйство Polit. ua. 2011. 24 октября. URL: <http://polit.ua/lectures/2011/10/24/auzan.html> (дата обращения 20.03.2012)
- Иванов И. Реалии индустриального феодализма // Россия солидарно-либеральная. № 326. 1 июня 2003 г. URL: <http://lebed.h1.ru/art3364.htm> (дата обращения 20.03.2012)
- Кордонский С. Сословная структура современной России. М., 2008.
- Кузнецов А. Что делать в Сибири? // Сибирский форум. Интеллектуальный диалог. URL: <http://sibforum.sfu-kras.ru/node/351> (дата обращения 28. 03. 2012)
- Лапин Н.И. Дефицит институтов саморазвития. Эволюция региональных сообществ и проблемы модернизации в России. Доклад на научном семинаре ВШЭ “Модернизация России: успехи, препятствия, перспективы (по материалам эмпирических исследований)” 25 февраля 2011 года // Экспертный канал “Открытая экономика”. URL: <http://opec.ru/1238224.html> (дата обращения 20.03.2012)
- Лапин Н.И., Беляева Л.А. От стабилизации к интегрированной модернизации России. Аналитический доклад Центра изучения социокультурных изменений // Интеллектуальная Россия. М., 2011. URL: http://www.intelros.ru/strategy/gos_rf/9462-ot-stabilizacii-k-integrirrovannoj-modernizacii-rossii-analiticheskij-doklad-centra-izucheniya-sociokulturnyx-izmenenij.html (дата обращения 20.03.2012).
- Лапин Н.И., Тосунян Г.А. Вступительное слово к русскому изданию // Обзорный доклад о модернизации в мире и Китае (2001–2010) / Пер. с англ. под общей редакцией Н.И. Лапина / Пред. Н.И. Лапин, Г.А. Тосунян. М.: Изд-во “Весь мир”, 2011.
- Методические требования по организации и проведению эмпирического исследования в регионе // Регионы в России: социокультурные портреты регионов в общероссийском контексте / Составление и общая редакция: Н.И. Лапин, Л.А. Беляева. М.: 2009.
- Немировский В.Г. Социокультурные индикаторы модернизационного потенциала массового сознания населения региона // Материалы Всероссийской научно-практической конференции “Новые проблемы социокультурной эволюции регионов”. Казань, 2011. (Исследование выполнено при финансовой поддержке РГНФ, проект “Особенности формирования социальной структуры и социального капитала в Красноярском крае”, № 11-03-00250а)
- Немировский В.Г. Ценностные ориентации населения регионов Восточной Сибири (сравнительный анализ Красноярского края и республики Хакасия, 2010 г.) // Социокультурная динамика регионов в условиях финансово-экономического кризиса. Сборник материалов VI Всероссийской научно-практической конференции. 7–9 октября 2010 года, Ульяновск. Ульяновск: Издательство УлГУ, 2010. (Исследование выполнено при финансовой поддержке РГНФ, проект “Особенности социокультурного портрета Красноярского края”, № 10-03-00001а).
- Обзорный доклад о модернизации в мире и Китае (2001–2010) / Пер. с англ. под общ. ред. Н.И. Лапина / Пред. Н.И. Лапин, Г.А. Тосунян. М.: Изд-во “Весь мир”, 2011.
- Социокультурные процессы в Восточной Сибири (на материалах социологических исследований в Красноярском крае и Республике Хакасия в 2009–2011 гг.): монография / отв. ред. А.В. Немировская. Красноярск, 2011. (Исследование выполнено при финансовой поддержке РГНФ, проект “Особенности формирования социальной структуры и социального капитала в Красноярском крае”, № 11-03-00250а)
- Рябов А. Возрождение “феодальной” архаики в современной России: практика и идеи // Московский центр Карнеги. Рабочие материалы. № 4. 2008. URL: http://carnegieendowment.org/files/WP_4_2008.indd.pdf (дата обращения 20.03.2012)
- Blank S. The Putin Succession and its Implications for Russian Politics // Central Asia-Caucasus Institute & Silk Road Studies Program. Institute for Security and Development Policy. 2008. URL: <http://www.isn.ethz.ch/isn/Digital-Library/Publications/Detail/?ots591=0c54e3b3-1e9c-be1e-2c24-a6a8c7060233&lng=en&id=55487> (дата обращения 20.03.2012)

- Ericson R.E. The Post-Soviet Russian Economic System: An Industrial Feudalism? // Bank of Finland. Institute for Economies in Transition. BOFIT Online 8/2000. URL: <http://www.suomenpankki.fi/bofit/tutkimus/tutkimusjulkaisut/online/Documents/bon0800.pdf> (дата обращения 20.03.2012)
- Guillory S. Does Corruption make Russia a Neo-Feudal State? // Sean's Russia Blog. URL: <http://seansrussiablog.org/2006/10/21/doescorruption-make-russia-a-neo-feudal-state> (дата обращения 20.03.2012)
- He Chuanqi. Knowledge-based Economy and China's Modernization // Guangming Daily. 7 apr. – 1998a.
- He Chuanqi. Knowledge-based Economy and the Second Modernization // Science and Technology Review 6. – 3–4. – 1998b.
- Modernization Science Newsletter. Vol. 1. No. 3. September 2011. URL: <http://www.modernization.com.cn/ms2011103.pdf> (дата обращения 20.03.2012)
- North D., Walliss J.J., Weingast B.R. Violence and Social Orders: A Conceptual Framework for Interpreting Recorded Human History. Cambridge University Press, 2009. – 308 p.
- Shlapentokh V. Early Feudalism – The Best Parallel for Contemporary Russia. Europe-Asia Studies. Vol. 48. no. 3. 1996. – pp. 393–411.
- Shlapentokh V., Woods J. Contemporary Russia as a Feudal Society: A New perspective on the Post-Soviet Era. – New York: Palgrave Macmillan, 2007.

© 2012 г.

А. А. КОГАЙ, Е. А. КОГАЙ, Ю. М. ПАСОВЕЦ

СОЦИОКУЛЬТУРНАЯ ДИНАМИКА КУРСКОЙ ОБЛАСТИ И ВЫЗОВЫ МОДЕРНИЗАЦИИ¹

КОГАЙ Алексей Аркадьевич – аспирант кафедры программного обеспечения и администрирования информационных систем Курского государственного университета (E-mail: akogay@gmail.com); КОГАЙ Евгения Анатольевна – доктор философских наук, профессор, зав. кафедрой социологии и политологии Курского государственного университета (E-mail: eakogay@mail.ru); ПАСОВЕЦ Юлия Михайловна – кандидат социологических наук, доцент того же университета (E-mail: yulia_pasovets@mail.ru).

Аннотация. Рассматриваются тенденции и проблемы развития Курской области. Представлена динамика социокультурных процессов региона в контексте трансформации социокультурного пространства России. Оценен уровень модернизации области.

Ключевые слова: регион • типология российских регионов • потенциал региона • социокультурное измерение модернизации региона

Развитие российских регионов, их включенность в процессы модернизации общества является одной из ведущих проблем в современном социальном познании и социальной практике. Вместе с тем развитие связано с необходимостью сохранения специфики социально-территориального сообщества, его социокультурного потенциала, самобытности. В контексте современных процессов глобализации и глокализации на первый план выходит установление связей с сопредельными территориями, развитие межрегиональных объединений, повышение внимания к социокультурным особенностям региона, востребованность локальной специфики.

¹ Работа подготовлена при поддержке РГНФ в рамках проекта “Курский край и Россия: объективные характеристики и субъективные оценки в межрегиональных сопоставлениях” (№ 12-03-00426а).